

На следующий день — судебное заседание.

Из-за того, что вчера стражники арестовали людей, событие стало громким. Одна из сторон — довольно известный в уезде Юньшуй хозяин «Юйцяочжай», так что перед зданием суда за короткое время собралось много людей, все обсуждали.

— Не мог подумать, что Юйцяочжай занималось таким делом!

— Не похоже, я покупал у них, вкус и вправду хороший, хозяин тоже вежливый и честный.

— Как говорится, человека не узнаешь по внешности!

Цяо Юаня вызвали в суд. Он не спал всю ночь и наконец увидел Юй Дамэна, о котором так беспокоился. Тот выглядел невредимым, не похоже, чтобы его пытали, и он немного успокоился.

Чжан Вэньшэн и Цяо Гуанчжи тоже были в суде. Чжан Вэньшэн сидел, Цяо Гуанчжи стоял за ним. Чжан Вэньшэн выглядел так, будто наблюдал за зрелищем, а взгляд Цяо Гуанчжи был будто отравленным.

Ма Шуня вызвали, он был робким, не смел смотреть на Цяо Юаня, рухнул на колени и остался лежать на земле:

— Простой человек Ма Шунь, кассир лавки Юйцяочжай, обвиняю Юйцяочжай в использовании фальсифицированной некачественной муки и риса для сладостей и продаже испорченных сладостей, выдавая за новые.

Ма Шунь подал обвинительное заявление. Уездный начальник Ши притворно посмотрел его, затем резко стукнул деревянной табличкой и сказал:

— Юй Дамэн, Цяо Юань, вы, супруги, признаёте вину?

Цяо Юань преклонил колени и тоже подал заявление:

— Господин, в чём наша вина?

Это заявление вчера Цяо Юань продиктовал, а самый известный адвокат в городе, нанятый за высокую плату, отредактировал.

Уездный начальник Ши даже не взглянул, отбросил в сторону и продолжил орать:

— Дерзкий! Вчера начальник Чжо уже нашёл улики в твоей лавке, а ты ещё смеешь отпираться!

Стражники пронесли улики по кругу перед судом.

Все увидели — дело серьёзное.

— На том рисе уже зелёные пятна плесени!

— В муке отруби! Сладости с первого взгляда испорчены!

— Юйцяочжай каждый день зарабатывает столько серебра, зачем им заниматься таким?

— Не обязательно. Я помню, на праздник Фонарей хозяин Цяо ещё раздавал кашу в приюте «Анцзиюань», пожертвовал двести лянов, разве может быть таким хитрым и жадным до денег? Посмотрим ещё.

Уездный начальник Ши счёл, что глупые люди шумят, и громко крикнул:

— Тишина!

Цяо Юань сказал:

— По поводу обвинений Ма Шуня у простого народа есть доводы. Во-первых, по поводу фальсификации и некачественного сырья: мука и рис для лавки простого народа закупаются в зерновой компании «Цзяцан». Как известно, у мешков с мукой и рисом, продаваемых «Цзяцан», на боковой стороне есть специальная метка. Простой народ только что наблюдал: на мешках с уликами, найденных начальником Чжо, нет метки. К тому же у простого народа есть записи о ежемесячных закупках муки и риса и их расходе, закупается гораздо больше, чем тратится в лавке, простому народу вовсе не нужно использовать это фальсифицированное сырьё.

Все, услышав, подумали: верно, если использовать фальсифицированное, зачем каждый месяц покупать столько муки и риса в «Цзяцан»? Сколько сами могут съесть? «Цзяцан» они знают — элитная зерновая компания в городе, специализируется на качественной муке и рисе. Хотя они редко там покупают, но с этой лавкой тоже хорошо знакомы, знают, что упаковка там отличается от других! Специально для богатых!

— Во-вторых, по поводу продажи испорченных сладостей: бизнес лавки простого народа всегда шёл хорошо, остатки бывали только при плохой погоде. В таких случаях простой народ обычно раздавал соседям вокруг лавки, делил между работниками лавки или забирал домой, отдавая близким семьям в деревне. Даже этот Ма Шунь с тех пор, как начал работать в лавке простого народа, в таких случаях тоже не оставался без сладостей. В этом могут засвидетельствовать хозяин Чжу из «Яхуаньчунь», хозяин Цинь из «Чжэньвэй цзюфан» и близкие семьи в нашей деревне.

Что касается найденных в лавке испорченных сладостей, простой народ не знает, откуда они взялись?

Все, услышав, сказали: верно, сладости «Юйцяочжай» были ограниченными, их действительно трудно было купить, особенно в новогодний период — просто распропадались, где же столько остатков? Они не глупые, в плохую погоду точно не стали бы делать много! И ещё: мы тоже не глупые, разве не почувствуем, если испортилось?

— В-третьих, личность Ма Шуня. Он сам только что сказал, что всего лишь кассир. У сладостей лавки простого народа есть секретные рецепты, работники на задней кухне — слуги с пожизненными контрактами. Таких наёмных, как он, простой народ остерегался, вообще не пускал на заднюю кухню, так как же он может знать о делах задней кухни лавки?

Более того, после вчерашнего происшествия простой народ ходил в дом Ма Шуня искать его. Его не было, но простой народ увидел, что на руке его матери новый золотой браслет. Простой народ разузнавал о его семейных обстоятельствах: судя по расходам и доходам его семьи, он никак не мог позволить себе золотой браслет такого веса. К тому же его мать, хвастаясь соседям, тоже говорила, что недавно его купила. Простой народ подозревает, что его подкупили, и нас намеренно оклеветали.

Все уже были убеждены серией анализов Цяо Юаня. Теперь, глядя на Ма Шуня, дрожавшего как в лихорадке, явно с нечистой совестью, они возмутились и стали обвинять Ма Шуня в чёрствости и бессовестности.

Юй Дамэн в душе гордился — его супруг и вправду способный. Они обменялись улыбкой.

Уездный начальник Ши не ожидал, что гэр Цяо Юань окажется таким красноречивым и логичным. Он невольно вспотел, увидел жалкий вид Ма Шуня, стало досадно — где Чжан Вэньшэн нашёл такого непрезентабельного, ни на что не годного человека!

Чжан Вэньшэн, видя, что дело плохо, закрыл веер в руке и сказал:

— То, что ты только что сказал...

Цяо Юань тут же перебил его:

— Не слышал, чтобы сюцай Чжан получил должность в уездной управе. Не знаю, в каком статусе сюцай Чжан сегодня здесь спорит. Может, он адвокат, нанятый Ма Шунем?

Адвокатами обычно были те, кто безуспешно пытался сдать экзамены и потерял надежду. Обычные порядочные учёные презирали профессию адвоката.

Чжан Вэньшэн почувствовал крайнее унижение, к тому же Ма Шунь — простолюдин, как он мог его нанять?

Он чуть не подпрыгнул от злости.

Уездный начальник Ши взглянул на него, и Чжан Вэньшэн тут же замолчал, вернувшись к

фальшивому образу молодого господина.

Секретарь подошёл и что-то шепнул на ухо уездному начальнику Ши. Тот стукнул деревянной табличкой и сказал:

— Хитросплетения! То, что ты только что сказал: во-первых, как знать, не оставлял ли ты муку и рис, купленные в «Цзяцан», для собственного использования, а сырьё в лавке наполовину настоящее, наполовину фальшивое? Эти записи расходов и вовсе можно подделать, сейчас уже невозможно проверить. Во-вторых, твои свидетели — все твои друзья, их показания недостаточны. В-третьих, ты по одному золотому браслету судишь, что Ма Шуня подкупили — и вовсе нелепость!

Ма Шунь весь дрожал, выпрямился и сказал:

— Да... да, господин, прошу разобраться, моя семья из поколения в поколение добропорядочные, как... как осмелилась бы оклеветать? К тому же... к тому же у меня с хозяином Цяо нет вражды, никаких обид, действительно... действительно нет причин его обвинять!

— Ма Шунь! — Цяо Юань смотрел, как сокол, голос его был громовым. — Я тоже хочу спросить: я считал, что обычно относился к тебе неплохо, зачем ты совершил такое предательство! На три чи над головой есть божества, разве ты не боишься небесной кары?

Ма Шунь пошатнулся, снова упал на землю и тихо заплакал.

Все теперь убедились — Ма Шунь точно с нечистой совестью!

— Наглец! — Уездный начальник Ши снова громко стукнул табличкой. — Ты в суде угрожаешь обвинителю?

— Господин, простой народ не смеет. — Цяо Юань сказал спокойно и уверенно. — Во-первых, простой народ не может предвидеть будущее. Если записи расходов подделаны, как можно было подделывать с самого открытия лавки? Простой народ уже сказал: закупается гораздо больше муки и риса в «Цзяцан», чем тратится в лавке. Простой народ для собственного использования может взять максимальное количество, стоит лишь немного сверить, и будет видно, что простому народу вовсе не нужно использовать это фальсифицированное сырьё.

Во-вторых, простой народ из деревни, без власти и влияния, не может одновременно уговорить столько людей свидетельствовать. В-третьих, Ма Шунь сейчас с нечистой совестью, господину стоит лишь немного допросить его, и он сам во всём признается.

— Ты будешь учить меня, как судить? — Уездный начальник Ши взвизгнул, разозлившись и покраснев. — Ты, гэр, в суде несёшь вздор, хитросплетения, очень легкомысленно! К тому же я слышал, ты с детства воспитывался дядей, а после замужества ещё и требовал у него наследство родителей, пренебрегая человеческими отношениями и сыновним долгом, — не из добрых!

Я, учитывая, что ты гэр, в суде делаю послабление женщинам и детям, не стану тебя наказывать.

Но вижу, что в такой ситуации без битья не признаешься. Эй, стража, дайте Юй Дамэну двадцать ударов палками в зале, бить жестоко! Посмотрю, признается он или нет.

Если хочешь заставить того Юй Сянсюэ сдаться, нужно дать ему немного пострадать, чтобы он знал, что противостоять ему нет пользы. Поэтому сегодня во что бы то ни стало нужно заставить этого Юй Дамэна и Цяо Юаня признать вину.

Тогда пусть тот Юй Сянсюэ на коленях придёт умолять его отпустить людей!

Уездный начальник Ши решил и резко ударил колотушкой по табличке:

— Привести наказание в исполнение!

Народ, наблюдавший вокруг, ахнул. Хотя они и не знали иероглифов, не понимали великих принципов, они знали, что это дело нельзя решать так поспешно. Не говоря уже о том, что господин Цяо изложил всё логично, есть и свидетели, и улики, даже если он сказал не всю правду, остаются сомнения, уездный начальник должен отправить людей на проверку, как можно прямо в суде бить людей?

Табличка с приказом упала на землю, с обеих сторон вышли по два стражника, чтобы схватить Юй Дамэна. Цяо Юань, разъярённый, бросился мешать, стражники стали хватать Цяо Юаня. Юй Дамэн, в кандалах, с трудом двигался, но телом сбил несколько стражников, защищая Цяо Юаня и не позволяя другим приблизиться.

— Ты, собачий чиновник! Не разобравшись, хочешь добиться признания под пытками, где же справедливость? — Цяо Юань, указывая на нос уездному начальнику Ши, ругался. — Если сегодня посмеешь наказать моего мужа, в будущем я обязательно сниму с тебя голову!

— Ты хочешь взбунтоваться! — Уездный начальник Ши снова стукнул деревянной табличкой. Если раньше он ещё учитывал Юй Сянсюэ и хотел оставить место для манёвра, то теперь он был спровоцирован Цяо Юанем и уже ничего не хотел учитывать. Он бросил ещё одну палочку:

— Ты смеешь в суде оскорблять чиновника, назначенного двором? Хорошо, тогда я побью и тебя тоже!

— Только посмейте!

Не видя человека, уже услышали его голос. Люди снаружи суда добровольно расступились, давая дорогу. Уездный начальник Ши, прищурившись, встал, увидел ещё одного гэра и почувствовал головокружение:

— Откуда здесь взялся ещё один бунтующий гэр?

Неужели сегодня у него был конфликт со всеми гэрами?!

— Я — восточный князь Ан, Чу Ли, приказываю тебе немедленно отпустить людей! — Чу Ли гневно крикнул, и вооружённые мечами охранники с обеих сторон уже бросились вперёд, защищая Цяо Юаня и Юй Дамэна, противостоя стражникам.

Цяо Юань успокоился, выхватил у стражника ключи, снял с Юй Дамэна кандалы. На его шее уже были сильные следы от давления, Цяо Юаню было больно до самой глубины сердца.

Вокруг воцарилась тишина, все были потрясены неожиданным поворотом событий. Неизвестно, кто начал первым, но народ толпой преклонил колени.

Все в суде в панике посмотрели на уездного начальника Ши, всё ещё сидевшего за столом. Они увидели, как тот рассмеялся и сказал:

— Подделываешь — так назовись похожим именем! Я не знаю, когда при дворе возвели такого Князя? — Уездный начальник Ши выглядел так, будто услышал что-то очень смешное. — К тому же ты презренный гэр, а тебя возвели в Князя? Ха-ха-ха-ха, просто смехотворно!

Чу Ли был новым Князем, назначенным перед Новым годом. Жалкий уездный начальник Ши, не имея связей при дворе в этом маленьком городе, сведения получал несвоевременно и сейчас вообще не знал о новом Князе при дворе.

Он решил, что Чу Ли — мошенник, мгновенно изменился в лице и приказал стражникам по обеим сторонам:

— Что же не хватаете его?

— Дерзкий! — Чу Ли просто взорвался от злости на уездного начальника Ши с его отвратительной физиономией, не зная, как тот стал местным чиновником!

— Ты оскорбляешь, а если посягаешь на принца, по закону следует казнить!

Он родился императорским потомком, и, когда хмурился, в нём была своя аура. Уездный начальник Ши, видя, что он всё ещё так непреклонен, в душе засомневался. Но внизу столько народа смотрит, он оказался в безвыходном положении. Он уже собирался промямлить что-то и увильнув перенести на другой день.

Как вдруг увидел человека в красном чиновничьем одеянии, одной рукой придерживающего подол, другой — чёрную шапку, спешно подбегающего и преклоняющего колени перед тем гэром, извиняясь:

— Ваше Высочество, ваш подданный опоздал, ваш подданный должен умереть, ваш подданный плохо управляет подчинёнными, прошу Ваше Высочество простить.

Уездный начальник Ши присмотрелся — это же начальник префектуры!

Его тело мгновенно обмякло, как лапша, и он упал.

Отредактировано Neils январь 2026 год.

<http://bllate.org/book/14361/1272224>